

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XVII–XIX ВВ.

© 2010 Г. Г. Левин

канд. филол. наук,
доцент каф. якутского языка
e-mail: Levger@yandex.ru

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

В статье рассматриваются научные изыскания исследователей этнографов и лингвистов XVII–XIX вв. якутского края о происхождении якутского языка. В сравнительном плане анализируются основные выводы и научные гипотезы научных трудов первых исследователей. Дается характеристика особенностей первых попыток транскрипций якутских слов на основе латинского алфавита.

Ключевые слова: якутский язык, сравнительный анализ, транскрипция, латинский алфавит.

Первые исследователи якутского края в какой-то мере затрагивали вопрос происхождения якутского языка. Николай Корнелиззон Витзен (1641–1717) в своей известной работе «Северная и Восточная Тартария» (1692, 1705 переиздание) отметил генетическое родство якутов и бурят, по его мнению, по языку оба эти народа примыкали к «татарам». В качестве примера он проиллюстрировал 49 якутских слов с передачей значения на голландском языке, сделал их транскрипцию. Данная транслитерация была сделана на основе латинского алфавита, специальные знаки-фонемы, передающие якутские звуки, в ней отсутствовали. По этой причине транскрипция имела немалое количество ошибок при составлении звукового оформления слов. Тем не менее к отдельным основам, которые имеют легкое произношение, было дано правильное фонетическое истолкование.

Н. К. Витзен в своей работе включил следующие слова:

а) существительные: bos 'голова', as 'волосы', suis 'лоб', kulgak 'ухо, уши', karak 'глаза', mun 'нос', murun 'нос', singa gungur 'челюсть, ojack 'рот', os 'губы', tis 'зубы', til 'язык', mojn шея", tuis 'грудь', sanin 'плечо', ilin 'рука', togok 'локоть', erbiak 'большой палец', erbik - 'большой палец', tarbiak 'пальцы', ologok 'место, жизнь', kin 'пуповина', sijinek 'позвоночник', etuick 'бедро', ojoghos 'кишечник', suriak 'сердце', tinfurges 'колени; колени', sotoj 'голень', saraet 'толстая кожа с крупа лошади', atak 'нога', jnir 'сухожилие', et 'мясо, тело', kan 'кровь', sili 'костный мозг';

б) числительные: bir 'один', icki 'два', us 'три', tuart 'четыре', bes 'пять', alta 'шесть', sette 'семь', agis 'восемь', togus 'девять', on 'десять', onurdugabir 'одиннадцать', onurdugiki 'двенадцать', onurdugus 'тринадцать', onurdugturt 'четырнадцать', onurdugbes 'пятнадцать', onurdugalta 'шестнадцать', onurdugosette 'семнадцать', onurdugoagis 'восемнадцать', onurdugotis 'девятнадцать', surbe 'двадцать', ottut 'тридцать', tenrden 'сорок', besen - 'пятьдесят', altaon 'шестьдесят', setteon 'семьдесят', agison 'восемьдесят', toguson 'девяносто', suis 'сто', munck suis 'тысяча' [Witsen 1692: 677].

Если учесть отсутствие в системе транскрипции специальных знаков для якутских фонем, оформление некоторых слов можно считать весьма удачным: например, 1) в точности – as 'волосы', karak 'глаза', murun 'нос', atak 'нога', alta 'шесть', sette 'семь'; 2) с незначительными ошибками (отличиями): а) без фиксирования долгих

гласных: *tis* 'зубы', *kin* 'пуповина', *kan* 'кровь', *sili* 'костный мозг', *bir* 'один', *surbe* 'двадцать', б) без фиксирования дифтонгов в анлауте и инлауте: *tuart* 'четыре', *besen* 'пятьдесят', *altaon* 'шестьдесят', *setteon* 'семьдесят', *agison* 'восемьдесят', *toguson* 'девятьдесят', *on* 'десять'. В некоторых словах, в которых обычно наличествуют дифтонг [üö], гласные – долгий [üü], краткий [ä]. Витзен употребляет своеобразные парные гласные; например, *suis* 'лоб', *tuart* 'четыре', *suis* 'сто'. Как видим, долгий гласный [üü] передается через [ui], дифтонг [üö] через [ua]. Интересно, что исследователь, замечая долгие гласные и дифтонги в корневых основах, не зафиксировал их в других словах.

Здесь также был зафиксирован якутский перевод «Отче наш». В его транскрипции текст выглядит таким образом: «*Aibiit Bisene Mega Tagara Oer duqer, kirbejer Atin Jena, kelega Atin, Jena bologa, kognün, Jena, Jeme; Tagaraga isierge aspitin, bisenin koenatagini koeloe, bisaga ani, kebes bisaga, Jespitin bisenin kaitak bisigi kebesebit, jemaghterbitin bisenin kilerima bisigini aiga biisa bisigini abasintan olisin; Jena bar iraghtati küstaek Atin Boeka, Kirdikoe*» [Бетлингк 1990: 53].

Данную транскрипцию О. Н. Бетлингк считал «искаженной» и сделал в ней свои коррективы. После его исправлений текст приобрел совершенно другое содержание: «*Аҕыбыт бисіанә мәнә таңара үрдүгәр килбәјәр аатың әјіәнә, кәліәһә аатың әјіәнә буолуоһа көңүлүң әјіәнә әміә таңараһа і сиргә аспытын бисіәнін күннәтәһині кулу бисіәхә аны, кәбіс бисіәхә іәспитін бисіәнін, хайтах бисігі кәбісәбит іәстәхтәрбитін бисіәнін killärimä bisigini Аҕыга быысаа бисігini абаасыттан ол ісін әјіәхә бар ыраахтаһы күстәәх аатың бука кirdik*», в дословном переводе «Отче-наш /наш/ вечное/ небо/ в его высоте/ сияет/ твое имя/ твое/ придет/ твое имя/ твое/ свершится/ твоя-воля/ твоя/ также/ на небе/ и/ на земле/ нашу пищу/ нашу/ дневную/ дай/ нам/ теперь./ сними/ нам/ нашу-вину/ нашу./ как/ мы/ прощаем/ наших должников/ наших/ не веди/ нас/ к греху, /избави/ нас/ от дьявола/ этого ради:/ твое/ существующее господство, /могущественно/ твое-имя, / совершенно/ истина» [Там же].

Итак, Н. К. Витзен первым обратил внимание на якутский язык, и его попытка транскрипции якутских слов, в том числе в якутском переводе «Отче наш» является ценнейшим материалом для изучения исторического развития якутского языка.

К вопросу о происхождении якутского языка обратился Эбергард Избрант Идес (1657–1708), отметивший, что «якутский язык очень близок к языку магометанских татар, живущих в окрестностях Тобольска и происходящих от бухар». В отличие от Витзена, Идес заметил сходство якутского языка с определенным тюркским языком, хотя в своем утверждении данную близость увидел только «наполовину» (см.: [Ксенофонов 1992: 26]).

В своей работе «Северная и Восточная части Европы и Азии» (1730) Филипп Иоганн Табберт-Страленберг (1676–1747) сделал своеобразную классификацию, в которой были охвачены 32 языка. Он разделил их (по числу народов) на шесть классов. Ко второму классу – «татарскому», кроме языков тобольских, тюменских, туринских татар и чувашей, он отнес якутский язык. Также сюда причислены языки крымских татар, узбеков, башкир, киргизов, туркменских татар. Страленберг данной классификацией показал, что Восточная Европа и Северная Азия населены не только «татарами», как предполагали в то время в Западной Европе, но и многими другими народами [Кононов 1972: 51]. Страленберг установил типологическое сходство вышеуказанных языков, тем самым сделал первую классификацию уральских (угро-финских, самодийских) и алтайских (тюркских, монгольских, тунгусских) языков. На сравнительном примере показал родство якутского языка с некоторыми тюркскими языками.

Герхард Фридрих (Федор Иванович) Миллер, утверждавший, что единственным признаком генетического родства между народами является сходство их языков,

отметил родство якутского и «татарского» языков, при этом смог отделить в лексике якутского языка тюркский пласт от монгольского и бурятского. Он составлял сравнительные словари почти всех народов Сибири – татар, вогулов, остяков, «самоедских народов», бурят, тунгусов, ламутов, коряков, камчадалов, курилов и др. В его рукописи, посвященной якутам и их шаманам, находится немецко-якутский словарь о временах года, суток, в котором зафиксированы такие слова как *sajin* 'лето', *küsün*, *küosun* 'осень', *sas* 'весна', *kün orto* 'полдень', *tün orto* 'полночь', *kulun tutar* 'март', *bus ustar uja* 'апрель', *ballyk ööma* 'май', *bes uja* 'июнь', *ot uja* 'июль', *atirdjehach uja* 'август', *balaganga kirer uja* 'сентябрь', *bebinni uj* 'пятый месяц', *auinni uj* 'октябрь', *setinni uj* 'ноябрь', *achsinni uj* 'декабрь', *tochsunnju uj* 'январь', *olünnju uj* 'февраль' [Миллер 1750: 26-28]. По записи Миллера, в то время у якутов было 13 месяцев.

Яков Иоанн Линденау (1710–1795) не считал якутский язык по происхождению тюркским, хотя при этом четко определил его древнее родство с «татарским». По его мнению, эти два языка отделились друг от друга еще в древнюю эпоху. Он находил язык якутов в некоторой степени близким к языкам барабинских татар и чувашей. В своей работе «Описание якутов» он зафиксировал около 600 якутских терминов: например, времена года: *küsün* 'осень', *kösin* 'зима', *sas* 'весна', *saiün* 'лето'; названия месяцев: *tördünü* 'сентябрь', *basügnü* 'октябрь', *altingnü* 'ноябрь', *setingnü* 'декабрь', *aksingnü* 'январь', *toksingnü* 'февраль', *oluinnüi* 'март', *kulun tutar* 'апрель', *bus usster* 'май', *balikür*, *bas – ya* 'июнь', *otija* 'июль', *attüdschagya* 'август'; имена героев из исторических преданий: *Omogona*, Елей – *batora*, *Er Sogotocha*, *Badscheia*, *Mundschana*, *Tugina*, *Okurei batora*, *Bedscheko*, *Ogus charaka*; наименования одежды и домашней утвари: *istjach son* 'пальто на теплой подкладке', *sangijak* 'дорожная доха; шуба мехом наружу', *kulun – son* 'пальто из кожи жеребенка', *mostaq bergasa* 'рогатая шапка', *ütülük* 'рукавицы', *moitoruk* 'меховой шарф', *katintscha* 'суконные или меховые носки', *tschoron* 'чорон (деревянный кубок для кумыса)', *kerien umuja* 'старинная круговая чаша', *simir* 'кожаный мех (для приготовления кумыса)', *kutach* 'большая чаша', *kitija* 'деревянная чаша', *kamijak* 'большая ложка (из березы или лиственницы); деревянный черпак, половник, деревянная поварешка', *kös* 'горшок (для варки)' (см.: [Сафронов, Иванов 1992: 51–52]).

Немецкий ориенталист Вильгельм Шотт также склонялся к мнению о древности происхождения якутского языка, но, в отличие от Линденау, он в нем заметил сильное влияние монгольского языка. Характеризуя, звуковой состав якутского языка, он отметил три характерные черты: а) выпадение гласных или согласных в слове; б) наличие более полных форм, чем в других тюркских языках (как *сэбирдэх* вместо тюрк. *апрах*, *сапрах*); в) наличие чередований согласных [л-т], [с>й], [с>ш], [с>ч], [л>ш], [т>й]. В работе «О якутском языке», написанной на основе записи Дмитрия Павловича Давыдова «Список якутских слов», В. Шотт сделал попытку описания грамматического строя якутского языка [см.: Слепцов 2007: 25].

Иоанн Готтлиб (Иван Иванович) Георги (1729–1802), автор работы «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» считал якутский язык «татарским», смешанным с монгольским и тунгусским. Наличие монгольских слов в лексике якутского языка объяснял тем, что некогда «татары» с монголами жили «в смежности» (см.: [Токарев 1776–1777: 109]). Нужно заметить, что некоторые его наблюдения над словарным составом и строем тюркских языков поражают даже современных лингвистов. По этому поводу А. Н. Кононов отметил следующее: «В названном труде Георги разбросаны – порою очень тонкие наблюдения над тюркскими языками... например, Георги пишет: “Язык их (бухарцев, т.е. узбеков – А.К.) почитается между татарскими наречиями красивым, хотя и подходит нарочито на персидский”. Ср. еще: “Язык их (т.е. башкир – А.К.) есть татарское же, но с казанским весьма несходное наречие”» [Кононов 1972: 57]. Как известно, его замечания по этим

тюркским языкам позднее полностью подтвердились научными изысканиями последующих исследователей.

В 1851 году на немецком языке вышла классическая научная работа О. Н. Бетлингга «О языке якутов» до сих пор не утратившая свою научную ценность. Здесь он, сопоставляя якутский язык с другими тюркскими, а также с урало-алтайскими (монгольскими и финно-угорскими), отчасти с индоевропейскими языками, положил начало сравнительному изучению не только якутского языка, но и всех тюркских языков. Сопоставительное исследование позволило ему сделать вывод о древнем происхождении якутского языка. В этой связи О. Н. Бетлингг предлагал вводить новый термин «турско-якутские языки», вместо ранее используемого «турско-татарские языки». Академик, отмечая обособленность якутского языка от других тюркских языков, также четко разграничивает его отношение к монгольским языкам. Их взаимосвязь, по мнению автора, отражается на наличии множества монгольских слов, а также отдельных грамматических форм в якутском языке. Он первый зафиксировал в якутском языке долгие гласные и дифтонги, сингармонизм гласных, установил отношения их с соответствующими долгими и недолгими гласными в других тюркских языках. Фонетическая транскрипция, разработанная О. Н. Бетлинггом на базе кириллицы, была принята в Академии наук. Она послужила основой алфавита письменности якутского литературного языка, введенной в конце 1938 года. К работе также приложен имевший большое значение для дальнейшего исследования якутского языка якутско-немецкий словарь (всего 4656 слов), где были даны сопоставления с другими тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками.

Академик О. Н. Бетлингг в своей работе «О языке якутов» первым разработал сравнительную грамматику якутского языка. Его научные изыскания в фонетике, морфологии поныне имеют колоссальное значение в изучении истории якутского, а также тюркских и монгольских языков.

Венгерский тюрколог Герман Вамбери писал в монографии «Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik» (Jnnsbruck, 1870) по поводу происхождения якутского языка: «Однако отдельные элементы в фонетических явлениях и его словесное богатство имеют удивительное родство с языком якутов, живущих на отдаленном севере Азии, что, безусловно, доказывает переселение якутов на льдистую зону ввиду вытеснения их казахами и другими южноалтайскими племенами» [Vambery 1870: 10]. По его мнению, уйгурский язык Восточного Туркестана «отстоит много дальше от древнеуйгурского языка, чем якутский диалект, на котором разговаривают на берегах студеной Лены» [Там же: 12–13]. В вопросе о родстве якутов с древними уйгурами Г. Вамбери склонялся к мнению, что якуты в генетическом отношении стоят много ближе к уйгурам, чем койбальцам, алтайцам и качинцам, при этом он твердо высказался об отделении якутов от тюркских племен Джунгарии еще в доисторические времена [Vambery 1885: 148].

Академик В. В. Радлов в труде «Die jakuische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen» (1908) по-новому рассмотрел вопрос происхождения якутского языка. Он не только не признал якутский язык тюркским, но даже не включил его в свою классификацию. В.В. Радлов привлек 1748 корневых и неразложимых основ, из которых, по его определению, 572 (32,5%) тюркские, 425 (25,9%) монгольские, 724 (41,6%) неизвестного происхождения [Radloff 1908: 2]. Используя эти статистические данные, автор развитие якутского языка делит на три этапа: 1. Урянхайский, когда якутский язык был самим собой, не монгольским и не турецким; 2. Монгольский, когда якутский праязык превратился в одно из монгольских наречий; 3. Тюркский, когда урянхае-монгольское наречие было сильно тюркизировано и преобразилось в тюркское в его современном виде. Данное тюркизирование, по мнению автора, должно иметь

место после эпохи возвышения монголов Чингисхана [Там же: 16–17]. Академик утверждал, что по грамматическому строю и лексическому составу якутский диалект занимает совершенно особое место среди тюркских языков, при этом он не находит генетическую взаимосвязь якутского языка с древними и современными тюркскими языками.

Профессор Н. Ф. Катанов в своей классификации тюркских языков, включал якутский язык в «восточную группу» заодно с языками казахов, киргизов, татар Томской и Енисейской губерний, карагассами Иркутской губернии и урянхайцами. А. Н. Самойлович, считая якутский язык «одним из самых смешанных и оригинальных», причисляет его к «северно-восточной группе» вместе с тувинским, тофаларским, хакасским языками. Здесь он рассматривает в качестве основного языка древнеуйгурское наречие [Самойлович 1922: 9]. Академик Ф. Е. Корш отмечает свойственный характер якутского языка и включает его в одну группу с чувашским. При этом он подчеркивает, что «якуты, кое в чем приближаясь к карагассам, не имеют специфически общего ни с алтайцами, ни с чувашами» [Корш 1910: 84–85]. Венгерский лингвист Дьюла Немет тоже объединил якутский язык с чувашским в одну группу, руководствуясь наличием в названных языках анлаутного [с] (см.: [Самойлович 1922: 9]). Известный монголист Г. Й. Рамстедт, высказавшийся в пользу гипотезы о родстве монгольского и турецкого языков, ставит якутский и чувашский языки по отдельности от других тюркских языков. П. М. Мелиоранский отметил, что якутский язык отделился от главной массы тюркского народа в «очень отдаленное время, не имея сношений с другими турецкими племенами, подпадал под влияние монгольских и отчасти тунгусских племен» [см.: Ксенофонов 1992: 149]. Известный лингвист Н. Н. Поппе заметил, что «якутский язык обнаруживает значительные отклонения от общего типа турецких наречий». Он отметил, что якутский язык отделился от других тюркских языков очень давно и развивался самостоятельно и обособленно от влияний других тюркских языков [Поппе 1926: 5].

Итак, О. Н. Бетлингк считал якутский язык древнейшим языком среди группы тюркских языков, а В. В. Радлов высказал противоположное мнение – что язык якутов является не тюркским по своему происхождению, а скорее тюркизированным языком. Он усматривал самый сильный аргумент в пользу молодости якутского языка в выпадении во многих якутских словах начального звука [с]. По его мнению, начальный [с] сразу не мог выпасть, это явление происходит путем постепенного ослабления [с] до придыхательного [h]. Здесь исчезновение придыхательного [h] в якутском языке оценивается как последняя ступень трансформации начального [с].

Следует заметить, что О. Н. Бетлингк, С. В. Ястремский, В. В. Радлов в своих работах констатировали факт отсутствия в якутском языке родительного падежа, существующего во всех тюркских языках (см.: [Грамматика 1982: 150]). При этом Бетлингк придерживался того взгляда, что якуты отделились от других тюркских племен еще до образования родительного падежа, а Ястремский и Радлов, наоборот, фиксировали в якутском языке следы былого существования этого падежа, который, по их мнению, позднее был утрачен. Последний отметил, что «окончание родительного падежа, как ненужный балласт, вышло из употребления и это могло случиться как в ранее время, так и позже» [Radloff, 1908: 30].

Таким образом, в этнографических трудах первых исследователей якутского края были сделаны важнейшие выводы о происхождении якутского языка: во-первых, было замечено древнее родство якутского языка с тюркскими, а также определено наличие в нем монгольского и тунгусского пластов; во-вторых, было правильно указано место якутского языка среди урало-алтайских языков; в третьих, впервые на печатных изданиях были сделаны первые попытки транскрипции отдельных якутских

слов. Благодаря транскрипциям Н. К. Витзена, О. Н. Бетлингга якутское языкознание располагает точными данными о состоянии якутского языка в XVII веке. В трудах первых лингвистов вопрос о происхождении якутского языка не был рассмотрен односторонне, наоборот принципиальное расхождение взглядов двух академиков, О. Н. Бетлингга и В. В. Радлова раскрыло множество вопросов для дальнейшего лингвистического исследования.

Библиографический список

- Бетлингг О. Н.* О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.
- Иванов В. Н.* Русские ученые о народах Северо-востока Азии (XVII – начало XX). Якутск: Кн. изд-во, 1978. 320 с.
- Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: Наука, 1980. 256 с.
- Корш Ф. Е.* Классификация турецких племен по языкам // Этнографическое обозрение. 1910. Кн. 84–85. №1–2. С. 114–127.
- Ксенофонтов Г. В.* Ураангхай-сахалар: очерки по древней истории якутов. Т. 1. Якутск. Кн. изд-во, 1992. Т. I. 415 с.
- Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства, etc. Кн. I. СПб., 1750, 1787. 384 с.
- Поппе Н. Н.* Учебная грамматика якутского языка. М. 1926. 120 с.
- Самойлович А. Н.* Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Вып. 4. Петроград: Росс. гос. акад. тип., 1922. 15 с.
- Сафронов Ф. Г., Иванов В. Ф.* Письменность якутов. Якутск: Кн. изд-во, 1992. 78 с.
- Слепцов П. А.* Саха тылын историята. Якутскай: ЯГУ, 2007. 287 с.
- Токарев С. А.* История русской этнографии. Ч. I–III изданы на русском языке: СПб., 1776–1777.
- Radloff W.* Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. SPb., 1908. 86 S.
- Vambéry H.* Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik. Innsbruck, 1870. IV, 258 S.
- Vambéry H.* Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig. 1885. XII, 638 S.
- Witsen N-K.* Noord and Oost Tartarye. T. I–II. Amsterdam, 1692.